

- [Товмасян Андрей](#)
 -

Товмасян Андрей Александр Родионов, Владимир Данилин, Николай Королев (Воспоминания)

Андрей Егеазарович ТОВМАСЯН АКРИБИСТ
АЛЕКСАНДР РОДИОНОВ, ВЛАДИМИР ДАНИЛИН,
НИКОЛАЙ КОРОЛЕВ

Воспоминания

х

Сегодня я тосклив и весел,
Но больше я навеселе.
Что умер - весел, а невесел,
Что так тоскливо мне в земле...

х

Достигается потом и опытом
Безотчетного неба игра
Осип Мандельштам
ДЛЯ САШИ - НИЧЕГО НЕ ЖАЛКО!

С Сашей Родионовым меня познакомил Вагиф Сеидов. Как-то он сказал мне, что у него есть знакомый, молодой юноша - хорошо играющий на саксофоне. Я заинтересовался этим, хотя и не очень поверил ему. Играл я тогда в кафе "Ангара" и попросил Вагифа познакомить меня с этим юношей. Это было в 70-х годах.

Вскоре Вагиф привел его. Мы познакомились. Это был совсем молодой человек. Очень скромный, приветливый и располагающий. Он пришел с инструментом (тенор сакс) и я предложил ему поиграть с нами. На фортепиано играл Володя Данилин. В зале (как сейчас помню) был Коля Королев - очень тонкий

ценитель как стихов, так и джаза. Саша играл весь вечер. Мы играли тогда распространенные стандарты: "Lullaby Of Birdland", "Continental", "How High The Moon", "Lover Come Back To Me", "I In The Mood For Love" и бесконечное количество "blues" - "Blumdidoo", "Billy's Boonse", "Strait, No Chaser" и многие другие... Играли также и "ballad": "The Moon", "Звезды над Алабамой", "Stardust".

Я внимательно слушал, как Саша играет. У него был хороший теплый звук. Он весьма гармонично импровизировал и обладал довольно богатой техникой. Много цитировал расхожих джазовых цитат. Мне он понравился сразу. Мы играли по очереди, и по четыре такта, и попеременно! Саша был не скажу великолепен - нет! Но он был хорош - уже тогда! У него не было, разумеется, той высокой техники, какая была у Данилина и у меня (в то время!). Но не надо забывать, что я играю на трубе с 14 лет и ко времени нашего знакомства с Сашей у меня за плечами лежало 14-20 лет джазовой практики. Чуть меньше было и у Володи Данилина.

На тенор саксе у нас тогда играл Толя Сазонов, обладающий мощным звуком (стальной мундштук!). Он мог перекрыть все! Играл он - не скажу, чтобы "Ах!" Но его игра отличалась от игры всех других саксофонистов. Игру и звук Толи Сазонова можно сразу отличить на слух.

Коля Королев заметил мне: - Толковый юноша! Не уппусти его!

После того (примерно через два месяца) я оформил Сашу через МОМА к нам в состав (пришлось дать взятку!) и таким образом у нас стал секстет: Родионов, Сазонов, Данилин, я, Эдик Берлин и Ваня Васенин. Васенин, как и Коля Королев, тоже сказал мне, что это - удача (про Сашу). Таким образом мы стали играть вместе и, конечно, дружить.

Саша приезжал репетировать ко мне домой и был хорошо знаком с моей мамой Елизаветой Михайловной Степановой. Мама кормила нас, потом мы начинали репетировать. Я играл с сурдиной, чтобы не беспокоить жильцов. Саша приносил ноты.. Он очень хорошо (не в пример мне) умел читать ноты (крючки, как он их называл) и по моей просьбе "снял" с записей те пьесы, о которых я его просил. Сам я сделать этого не мог. У Саши был очень точный слух. Он прозвал Данилу "Уши" за феноменальный Данилинский слух - абсолютный. У Саши был не было такого слуха, как у Данилина, но был свой и довольно значительный. Я прозвал его "Уши № 2".

Все, что Саша "снял" с эфира или с пластинок, было абсолютно точно вплоть до форшлагов и даже кикс. Мы репетировали с ним через день по по два-три часа. На репетиции часто присутствовал Коля Королев.

Саша "снял" по моей просьбе "A-Le-Cha" (Charlie Parker), "Salt Pinats" (Dizzy Gillespie), "Wow!" и "Victory Ball" (Lenny Tristano). Саша довольно хорошо знал английский и часто переводил мне некоторые статьи из "Down Beat". О Монке, как сейчас помню! Он также перевел мне странное "Wow!" нечто из ряда вон выходящее. Он также подарил мне мне на день рождения импровизации Клиффорда Брауна, которые я сам снять не мог. Там были редкие и очень сложные соло Брауна в быстром темпе - я потом разучивал их на трубе "снято" было с такой точностью, что я только диву давался. Он "снял" для меня соло Брауна из "I Can't Get Started With You", "Tenderly" и многие, многие другие, жаль, что эти бесценные листочки не сохранились. Я очень, очень обязан Саше.

Когда впоследствии мы работали с Сашей в ресторане "Россия", то часто шли ко мне домой (на "Новослободскую") пешком, часто вместе с Колей Королевым, который был очень рад нашей дружбе. Мы

шли (зимой!) от площади Ногина через всю Москву пешком - и говорили, говорили... Я говорил: - Саша, помнишь, как Браун обыгрывает квартетный круг в "Jordu" - почему он в таком-то месте сыграл так? Я сыграл бы не так.

Саша говорил: - У Брауна изумительное мышление.

Наши джазовые ориентиры в основном совпадали. Из трубачей мне и Саше нравились Fats Navarro, Clifford Brown, Kenny Dorham, Donald Byrd, частично Lee Morgan. Из старых трубачей мне и Саше нравились Charlie Shavers и Satchmo (я довольно успешно играл иногда в манере Чарли Шаверса). Из саксофонистов нам (и Саше, и Даниле, и мне) безусловно - Parker. Саша бредил "Птицей"!

Саша завел особую тетрадку, где выделял в соло "Птицы" те пассажи и цитаты, которые ему были по душе, и вписывал их, нумеруя. Часто он играл какой-то ход, а я говорил: - Саша, откуда это? Покажи!

Саша мне объяснял и я тоже заучивал эти ходы.

Саше также по душе был Sonny Stitt, как и все другие "паркеристы". У него была тетрадка и на Сонни Стита. Там также (с Сашиной педантичностью) были пассажи Сонни Стита, их было буквально сотни. Я помню, я переписывал их у него, но все-все утеряно. Саша, как и я, любил Sonny Rollins, Harold Land, Lester Young, Stan Getz, Jonny Griffin, Wayne Shorter и многих других.

Когда он бывал у меня, оставаясь ночевать, мы смотрели с ним фильм "Art Blakey Jazz Messengers in Tokio", где играл Wayne Shorter. Саша вливался в цветной экран и просил меня по 2-3 раза крутить фильм. Он принес магнитофон и списал музыку из этого редкого фильма.

Да, я забыл, из саксофонистов ему по душе был также и Benny Golson, как его игра, но особо - какие у него композиции. Это Саша списал для меня "Out Of The Past", "Whisper Not" и другие темы Бенни Голсона.

Из джазовых пианистов на первом месте у нас стоял Thelonious Monk. Саша много "снял" тем Монка. Я помню "Things In One", "Off Minor", "Ruby My Dear", "Bloomdido", "Monk Mood" и многие другие.

Семен Набатов, живший в соседнем парадном со мной, обладавший также редким слухом (пианист, окончивший консерваторию), фанатик джаза списал с моей редкой пластинки "Bad Powell - Portrait Thelonious Monk" соло Бада Пауэлла из "Ruby My Dear" со сложной аккордикой Пауэлла. Саша неплохо играл на ф-но, и один раз сыграл мне у меня дома эту пьесу - у меня было такое чувство, что у меня дома сидит Bud Powell. Я тоже пытался выучить хотя бы часть этой пьесы, но не смог - для меня это было трудно. А Саша смог!

Кроме Монка Саша и я любили (по убывающей): Bud Powell, Ahmad Jamal (не весь, а частично), все боперы - Kenny Drew, Al Haig, а также пианисты, ориентированные на боп - Tommy Flanagan, Horace Silver (особо), Bobby Timmons (особо), Duke Jordan и многие, многие другие... Да, и конечно, Lennie Tristano. Разумеется, и такие боги, как Oscar Peterson, George Shiring, Nat King Col (как джазовый пианист - 2-3 пластинки, остальное попса) и многие, многие другие... всех и не упомнишь.

К Джону Колтрейну Саша, как Данила и я, был равнодушен, хотя признавал его величие. Я назвал Колтрейна "вертикальщик", и Саша подхватил это словцо. Саша, как и я, очень любил золотую гвардию 30-х, 40-х, 50-х: Coleman Hawkins (очень, как и я), Bud Freeman, Lester Young и многих других с их задушевной теплотой тона и феноменальным гармоническим мышлением. Из наших, советских саксофонистов Саша уважал Сермакашева, Виталия Клейнота, Утешева и, пожалуй, все. Может кой-кого я и позабыл.

Любил Саша и Lee Konitz'a, я называл его "холодный Паркер" и Саша сказал мне, что я прав. Отдал дань

почтения и Paul Desmond'у, хотя и не любил его. К Miles Davis'у Саша был равнодушен, как и я, за исключением некоторых его безусловно гениальных пластинок "Porgy and Bess", "Milestones", "Kind Of Blue" и других. Cannonball нам казался сладким, но, конечно, гением, а вот его брата - Nat Adderley - мы любили.

Когда я просил Сашу сказать, на кого больше похожа моя игра на трубе на Брауна, на Дорхема, на Нэта Эддерли или на Чарли Шаверса, - Саша улыбнулся и сказал: - Ты Товмасян!

Я никогда не забуду эти слова.

Мы часто обсуждали с Сашей, какие джазовые темы считать трудными для исполнения. Долго спорили и наконец написали так:

- 1) Jordu - потому что квартовый круг;
- 2) Cherokee - потому что очень быстро и трудные тональности во второй части;
- 3) No Smokin (H.Silver) - относительно трудно;
- 4) Wow! - очень трудно, как и многие вещи L.Tristano...

Я уже не помню в точности этого списка, но мы сошлись на том, что трудны все те вещи, где квартовый круг, сложные тональности и непривычные гармонические сетки, так как привычные сыграть - это пара пустяков, они обыграны, они в пальцах. А нестандартные гармонические сетки надо опять напрягаться и учить их - это довольно сложно.

Особо сложно, когда квартовый круг и сложные тональности плюс нетрадиционные гармонические отклонения идут вдобавок ко всему в быстром ритме. Жаль, что потерялся этот список сложностей джаза.

Однажды мы с Сашей Родионовым, Данилой на фортепиано и органе сделали запись на одном из концертов. Я помню, как ко мне в гости пришел Коля Королев, обладавший феноменальным чутьем джаза

(сам неплохой пианист, могущий пройти любой "слепой тест"), и мы с Сашей поставили ему эту запись. Он послушал эту пленку и сказал: - На трубе играет Fats Navarro, на саксофоне Harold Land, а на фортепиано Oscar Peterson.

Мы с Сашей расхохотались и сказали ему, что это играем мы. Коля был очень озадачен и выпросил эту пленку у нас на память.

Моя мама говорила: - Мне этот мальчик (Саша) очень по душе, пусть он приходит почаще.

Саша Родионов гордился дружбой с Колей Королевым, Данилой и мной. Игрой моей он восторгался и часто нахваливал меня. Он говорил мне: - Андрей, как ты ухитряешься так ловко (не то слово!) и складно (опять не то слово!) играть.

Особо Саша ценил в моей игре - полет. Он говорил мне: - Летать умеешь только ты и Данила! Остальные отдохнут.

Саша, как и Коля Королев, любил мои стихи. Я часто смешил их, и Данилу в том числе, эпиграммами. Саше я посвятил целую поэму (одну из моих самых удачных) - "Визитилкин и Андресен" (написано на юге в 1969 году, позже внесена авторская правка). Немного стихов, которые нравились Саше, Даниле и Коле Королеву.

РАЗРУШЕНИЕ МЫСЛИ

Два годяя и три негодяя
Поздно вечером вышли гулять
Аппетит нагулять, полагая,
Что возможно его нагулять.

Но природа тварлива и, мысль чудаков разрушая,
Обдала их дождями и снегом,
и снегом с дождями опять...

... И вернулись ни с чем два годяя и три негодяя,
Сквернословя и злясь - поминая какую-то мать.

ИНФЛЯЦИЯ В ДЕЙСТВИИ

Буду молча жевать однородную серую массу

Мышиных шкурок сушеных, растертых в сухой порошок

И за пенсией скудной своею пойду я в сберкасса

Про себя говоря: - Ничего - Хорошо - Хорошо...

Снявши пенсию скудную, быстро покину сберкасса

И твердя про себя: - Ничего - Хорошо - Хорошо...

Буду снова жевать однородную серую массу

Мышиных шкурок сушеных, растертых в сухой порошок...

Эти два стиха очень нравились Саше, как и многие другие. Саша любил и басню "Звездочет и осел", привожу ее с некоторыми купюрами.

ЗВЕЗДОЧЕТ И ОСЕЛ

Один заезжий звездочет (он звезды знал наперечет)

Владыку местного запутал и заверил,

Что всю вселенную он, дескать, перемерил

И знает все! о ней - и что! и где! и как!

... а надобно сказать: владыка был дурак!

(Однако не совсем. Наполовину. Так...)

И вот словам лжеца приветливо внимая,

Владыка в слух ушел. Лжец, баки заливая,

На рассказы пространные пустился,

И до того в конце концов договорился,

Что, дескать, от Земли до самых крайних звезд!

Берется он возвесть - предлинный, дерзкий мост!

И ничего ему за это, мол, - не надо!

Харчи от пуза лишь - да по концу - награда!

И даже! - что награды, мол, надо... (?)!

А по тому мосту - навьючены верблюды,

Диковинно серебро, смарагды, изумруды

Роскошною волной все в царскую казну!

Владыка слушает, сам думая - Ну, ну...

И сладким словесам внимая звездочета,

Почуял ложь вдруг в них владыка безотчетно,

Но виду не подал. Беседа продолжалась

И только борода владыки - усмехалась.

А тот все пел, все плел, что скоро, мол, алмазы,
Рубины, янтари, смарагды, хризопразы:
Но ливню щедрых слов задумчиво внимая
Опять почуял царь, хотя, как тля лесная,
Был, повторяю, глуп, что что-то в них не так!
Хотя опять скажу: Владыка был дурак.
Ну чистый был баран. Муфлон. Балбес балбесом.
Болванам всем болван. Да, говорят, что бесом
К тому же одержим! Короче - не владыка,
А звук пустой! Пузырь. Корючка. Заковыка.
И все же не совсем. И вот, прервав беседу,
Заметил, как бы вскользь, он своему соседу:
"Оно, конечно, так! Ты - звездочет ученый!
А я пусть и осел, да все ж не хер печеный!
И нечего мне здесь про звезды погибать!"
... И так его лягнул, что родная-то мать
Лет 20, 25! - все не могла признать
В отторгнутом лжеце - родимую кровинку...
Вот так оно, братва! Как шарить-то чужбинку!

- -

Хоть басенка моя и препустая штука,
А все-таки и в ней - кому-нибудь наука!
По звездам или как умеешь ворожить,
В своей, хотя умри, стране - а должен жить!
А за морем пускай телушка и полушка,
Да рупь, ведь, - перевоз! (А ныне - долларушка!)
Хотя опять скажу не в этом загвоздушка!

Эта басня очень нравилась Саше и Коле. Помню, как
Саша два года тому назад навещал меня в больнице.
Помню, он принес мне консервов из рыбы и сигарет. А
Надежда Петровна Визитиу (я прозвал ее "Бука")
говорила мне:

- Какой воспитанный и обаятельный молодой
человек! Правда, что он хороший музыкант?

Я ответил ей: - Не хороший, а прекрасный!

"Бука" говорила мне: - Как он Вас любит! Пусть он почаще приходит.

Особо Саша смеялся над моими больничными стихами и песнями, некоторые я сейчас приведу. Саша буквально хохотал над песней "Таинственные певцы" и даже придумал к ней мелодию, хотя я пел ее по другому.

ТАИНСТВЕННЫЕ ПЕВЦЫ

Посвящается Елене Петровне Ивановой

Песня на мотив старинной русской песни "Не корите меня, не браните"

Не желаю тебе, не желаю я, мол, Лена, плохого конца!

Эту песню (а кто - я не знаю) каждый вечер поют у крыльца.

Кто поет, я не знаю, но знаю, что поют и поют у крыльца

И, жалеючи Лену, желают ей хорошего, Лене, конца!

Дай, мол, Бог, тебе Лена родная Золотого кольца да Венца!

И не дай тебе Бог, дорогая, нехорошего, Лена, конца!

Не желаю тебе, не желаю я, мол, Лена, плохого конца!

Эту песню (а кто - я не знаю) каждый вечер поют у крыльца.

Саша спрашивал (хохоча), кто, мол, эта таинственная Лена? Я сказал, что одна моя старая любовь. Саша смеялся. Привожу еще несколько песен, которые очень любил Саша (мой лучший друг!).

ВАМПИРКА

Эта песня про Надежду Петровну Визитиу, которую я ласково звал "Бука" и "Ошибалка".

Снова Бука кровь берет! И куда ей стоко?

По ночам, должно быть, пьет! Хлещет, как сорока...

Мож, ей одиноко? (Не знаю, не думаю...)

Кровь, не кровь, тащи домой - разберемся в Куровской...

Все, что есть, тащи домой - будет видно в Куровской.

Не подумал бы ни в жисть, что вампир - Надюша
Век живи и век учись, Товмасын Андрюша.

Это диво - не диво, а диво-то, что на самый на главный на факс

Я пошлю телефаксу правдивую, начинаться она будет так-с:

"Тут - известная больница! Мож, я нос пришел лечить!

И куды ж ето годится - из больных чтоб кровку пить!
Дорогие! Золотые! Помогите разобраться!

Ведь без кровушки больные скоро станут, мол, качаться,

Как тростинки на ветру! И ведь пьют-то по ведру!

Что мы, рази, бегемоты? Или в роде етом что-то?

С каждого ведра, мол, мы слабеем!

Мож мы лбы пришли лечить, а мы тупеем!

В кровопитьи умоляю разобраться!

Золотые, мол, родимые, мол, братцы!"

И помчится с больничной неволи

Мой протест, как из пушки - ядро!

Чтобы Буку-Вампирку уволили!

Чтобы крови вернула ведро!

P.S. Не дождусь, когда в неволю привезет курьер пакет:

"Срочно. Подпись. Мол, уволить! И Вампирки-Нади нет!

БИТВА ПОД КУРОВСКОЙ (песня)

На Надю насели крутые медведи.

Решили, видать, обождать...

Коль ведали б, звери, что Надя-то - ведьма,

Не стали б судьбу искушать...

Надежда Петровна весьма хладнокровно

Достала свой шпатель родной!
У ей он с собою всегда под рукою
И... страшен медвежий был вой!
Не ведали звери, что шпатель, что ведьма!
И боком им вышел разбой!
А Надя Петровна весьма хладнокровно
В ступу и... взмахнула метлой...
Должно быть, помчалась домой!
А куда ж ей еще-то!
Моей Буке, Надечке моей?
Домой, домой!
В родную, Куровскую!
ФИТИН

Как-то лежа в больнице осенней порой
Я зашел за касторкой на пост боевой.
Там Надежда Петровна печально сидит,
На таблетки Фитина в раздумьи глядит.
Пожалел я девчонку и создал ликбез.
Написал все, что знал, просветил и исчез.
Мне до лампы - водяра, колеса, стриптиз.
Просвещение в массы! - таков мой девиз.
В просветительном листочке было написано мною
по памяти:

Фитин - сложный органический препарат фосфора.
Получают из ...
Применяется при ...
Форма выпуска ...
Расфасован ...
Рецепт!

Саша обожал мои больничные стихи, особенно
"Таинственные певцы" (посвященные Лене Ивановой) и
стихи и песни о Буке!

ххххх

Стихотворение, после которого я перестал
подписываться...

(очень нравилось Саше Родионову!)

Во сто раз иль в тыщу - не мерил я!
Но лучше здесь, чем - за границей!
Больница, чем может, лечит меня!
Я, чем могу - больницу...
А там - небоскребы! Там Клинтон коварный!
Путаны... Уу! Туда - ни в какую!
Середку найдем золотую.
Выпишут - зайцем я фырь - в товарный!
И... в Куровскую! (К моей Наденьке!)
Приеду. Побреюсь - и тут же женюсь! (На Наденьке!)
А коли и там не судьба мне жениться...
Повешусь! Нет! Лучше - пойду утоплюсь!
Хотя, для чего мне топиться?
Вариант.
Приеду. Устроюсь куда-нибудь я,
А коль не удастся жениться...
Назад! Пусть в объятиях душат меня
Родимые синие лица...
А мож все-тки к Клинтону? Билл! Подлечиться б!
Там - ужас, понятно! Но не совсем уж, я думаю...
А, впрочем, мне рано еще торопиться,
Вот буду в Куровской! Все взвешу, обдумаю...
ВСЮДУ УСПЕВАЕТ ТОТ, КТО НИКУДА НЕ ТОРОПИТСЯ!
(Кай Юлий Цезарь)
Мои стихи подписывать - ни проку нет, ни смысла.
На коромысле, ведь, не пишут - "Коромысло"!
Доходчиво. Внятно. И кто... понятно...
Стихи живут, как бесконечный колокол!
Подписываться смысла нет! Такой-то, мол...
Выше приведено стихотворение, после которого я
перестал подписываться.
Осень 2000 г., больница № 4.
Далее - несколько стихов, посвященных Надежде
Петровне Визитиу и Галине Валентиновне Ломовой
ЦАПЛИ
Надя любит выпивать, Галя - похмеляться.

Мне за ними, так сказать, просто не угнаться.
Если даже догоню Надю, Гаю вряд ли.
И твержу сто раз на дню: "Цапли мои, цапли".

ххххх

О Гале с Надей забывать не надо,
Есенин мне советует во сне.
А как же остальные? Мимо сада,
Мол, гулкой ранью, мол, на розовом коне.

ххххх

В снах своих клянусь судьбу я со страшной силой.
Вижу Наденьку в гробу, Гаю - ту в могиле.
Сутки прочь. Опять судьбу клянусь с прежней силой.
Теперь Галя спит в гробу, Надя - та в могиле.
Так меняются местами аккуратно через ночь
Две подружки. Боже с нами. Постарайся мне
помочь!

Убери виденья прочь. Скоро полночь, ведь, да ночь!

ххххх

Всего две коробочки, как их делить,
Решил я у Ломовой Гали спросить.
Галина быстра: одну мне, одну Наде,
А все, что останется, Путину-дяде...
Какая блестящая, мудрая мысль,
Мне так не придумать за всю свою жизнь.
Коробочку мне, мол, коробочку - Наде,
А все остальное, мол, Путину-дяде...
До смерти у Ломовой буду учиться,
А наш ненаглядный пусть тихо постится.

Однажды я вручил две коробки конфет вместе с
вышеприведенным стихотворением Галине
Валентиновне Ломовой с тем, чтобы она одну коробку
отдала бы Надежде Петровне Визитиу. Однако она не
поделилась с Надеждой Петровной, и по этому поводу я
написал следующие несколько стихов, посвященных
Галине Валентиновне.

Частушки, сульфозина злее,

Ты на своей узнаешь шее.

xxxxx

Ты, Галина, не простушка, да чуток не рассчитала
И в Андрюшкины частушки, словно муха в борщ
попала.

А теперь читай частушки, сочиненные Андрюшкой.

1) На горе ольха стоит, под ольхой - могила.

В той могиле сладко спит Ломова-кроила.

2) То не ветер ветку клонит, Гальку-жухалу хоронят.

В дорогих венках могила, надписи прекрасные

"Спи спокойно, Галя-жила" (и другие разные).

Надпись скромная, простая:

Здесь лежит Галина-жила

Спи спокойно, дорогая

Ты, мол, всем нам удружила.

Будем часто навещать

Мы твою могилу

И цветочки поливать

Не забудем Жилу.

3) Не то беда, что рано ты почила,

А то, что жухала ты, Ломова, и жила.

Что, понравились частушки, сочиненные
Андрюшкой?

Впредь, голубка, будешь знать, как конфетки
зажимать,

Как конфетки зажимать да Надюшку обижать.

xxxxx

Галине Валентиновне Ломовой и Надежде Петровне
Визитиу

Гальку-кроилу поймал крокодил.

Долго, сказал, за тобой я следил.

Хрустнули косточки в ока мгновенье.

Больше не будет справлять дни рожденья.

"Ломова, - вдруг произнес крокодил,

Проклят я будь, что тебя проглотил".

И помер.

(Толпа собралась.

Плачут, судачат - кто жалеет крокодила, кто -
Ломову (этих меньше)

Ну, а мне - так оба до лампочки, хотя Гальку и
жалко.

А тебе, Надя?)

ВЕСЕЛЫЕ УТЯТА или КТО КРЯКНЕТ* СКОРЕЕ (Песня)

Строгая Люсенька, Наденька милая,

Анна Иванна - роднее, чем тетя.

Клянусь, навещать буду ваши могилы,

Когда, извиняюсь, вы все перемрете.

Первой крякнет Анна Ванна.

Надя, та попозже.

Предпоследним крякнет друг мой,

Санитар Сережа.

Ну, а крайним крякну я

Повослед за ними.

Эх, тальянка ты моя,

Планки нарезные.

Только, если крякну я

Всей утиной силой,

Кто же станет за меня

Навещать могилы?

(Не! Мне крякать нельзя.

Не то, чтобы нельзя, а просто рановато еще.)

* "крякнет" - на больничном жаргоне значит "умрет"

Апрель 2001 г.

МУМИЕ

Галине Валентиновне Ломовой

Легкий, казенный - надет на нее

Печень при вскрытии - цвет Мумие!

Цвет мумие (в смысле колора - ясно!)

Собственно все! Не балуйся, Прекрасная!

РАЗБИТЫЕ МЕЧТЫ (вальс)

Галине Валентиновне Ломовой

Как-то под вечер влюбился

В Ломову я тетю Галю...
Утром подумал - какая
Ломова к черту, мне тетя...
MANIA GRANDIOSA (песня)
Татьяне Васильевне Шкатенок (медсестре)
Фото. Крупным планом - Таня.
А позади Тани - огромная береза.
На латыни это называется: MANIA
MANIA GRANDIOSA!
Если фоточку эту бы тиснуть в газете
С надписью скромною - "Труженик больницы",
Не только взрослые, но даже и дети
Немедля на фоточку стали б дивиться...
Дивились бы вузы, заводы, школы...
Данилин аж в Люберцах - стал бы дивиться...
Написано после тиопропранола
В четвертой, увы, психиатрической больнице...
ПОЕДИНОК ВРАЧА СО СТЕРВАМИ, ИЛИ КОМУ ВЕРИТЬ?
Нине Кузьминичне Прудниковой.
С тихим смехом ел Кондрат
Тихие консервы.
И внезапно стал не рад
(Потому, как - нервы!)
Ботулизм кричит - умру!
Гнусные консервы.
Скачет, точно кенгуру
(Потому что - нервы!)
Врач поставил диагноз:
"Старые консервы".
Тихо отвалился нос!
(Яд тебе - не нервы!)
А наутро лазарет
Посетили СТЕРВЫ!
И сказали: "Ядов нет!
Нервы! Только нервы!"
КРАСНЫЙ ЧЕТВЕРГ

Лиле Борисовне Ушаковой
У Лили похитили зубы
Однажды, под Красный четверг.
К ней в дом постучался трехгубый
Приятного вида изверг.
Он вынул из утлой котомки
Наборы ужасных щипцов,
И вмиг наступили потемки
Для Лилиных бедных зубов.
И как ни печально все это,
Я знаю... Века* пробегут,
И в красное знойное лето
Ей зубы внезапно вернут.
К ней в дом постучится трехгубый
Приятного вида изверг,
И скажет: - Вы Лиля? Вот зубы!
Расписку! И будет Четверг!
* Что Лиле Борисовне века - она ведь бессмертна!
ЗАМРИ, ИЛИ "СИНИЕ КАМНИ ДЕТЕЙ"
Светлане Карповне Карпенко
Света любила, увы, безответно
Синие камни детей.
Камни ж детей не тянулись приветливо
К ней.
Нравился детям Чумак-Непоседа!
Дядька веселый Алан!
Только придет, так про бесов беседа!
Или игра в Ку-Клус-Клан!
Вытащит трешник*, и громко смеются
Синие камни детей!
С ним хулиганские песни поются
Звонче и веселей...
Выпадет, скажем, малыш из кровати,
Дядька Алан тут как тут.
Трезв. В ослепительно белом халатике
Все успевает плут...

Дядя Алан! Не протягивай ноги!
Светою смерть попри!
Синеньким камнем заляг у дороги,
Но не помри, а замри!
* А ведь это и впрямь смешно! Трешник!

КУКУШКА

Маргарите Ивановне Пацуло (зав. 25 отделения
больницы № 4)

Кто кошельки у нас крадет, того тюрьма да лагерь
ждет!

А кто Куриллами торгует, тому кукушка не кукует!
Кукушечка, скажи - ку-ку! Молчит кукушка... Ни гу-
гу...

СИ - СА - СО

Николаю Николаевичу Королеву. На мотив
"Мандолина, гитара и бас"

Нашей дружбы я помню начало. Злой трамвай тебе
въехал в лицо

Refren} И тогда в первый раз ты сказала: Си-са-со,
Си-са-со, Си-са-со.

Годы шли. Ты в больницах валялась. Не вертелось
страстей колесо.

Refren} И, казалось, почти забывалось: Си-са-со, Си-
са-со, Си-са-со.

Но когда я, рыдая, у гроба, под коньяк себе чистил
яйцо,

Refren} Мне казалось, что шепчем мы оба: Си-са-со,
Си-са-со, Си-са-со.

НИКОЛАЮ КОРОЛЕВУ

В эту ночь продавали плутоний
По двенадцать рублей за кило.
Я купил на одиннадцать двадцать,
Больше не было денег у мя>
Часть пропив, часть зарыв под Чучелой,
Я счастливым вернулся домой,
А у двери моей черно-белой (как зебра)

Поджидал меня мрачный конвой.
Я простился со свекором дяди
И побрел все на свете кляня.
Я скорбел, что кремлевские бляди
Словно крабы вцепились в меня...
И в душе моей все испохаблено,
И нескоро вернусь я назад.
Где пиджак, мне подаренный Сталиным?
Как там - мой пионерский отряд?
А как шел мимо Вовы я, дяденьки,
Зарыдал, мол, прощай, старикан!
Была б Надя - простился бы с Наденькой,
Но стелился приречный туман...
Вдруг откуда-то вышел кудесник*
И, похмельем тяжелым томим,
Я сказал ему: "Здравствуй, Бродяга"
А затем попрощался и с ним!

* По моему, из ГУМа!

О ТАЙНАХ

Елизавете Гургеновне Королевой
Слава Зайцев, что шьет для верхушки,
Фрак пошил мне, не взяв и полушки.
Что я делаю с зайцевским фраком,
Это тайна, покрытая мраком.
Есть еще одна... Чур, между нами.
Что ты делаешь, Лиза, с деньгами?
Тайна твоя идентична моей...
Господи, сколько же тайн у людей!
(Я думаю, много. А ты?)

АЛЕКСАНДРУ РОДИОНОВУ

Твердость Дзержинского. Храбрость Котовского.
Краснознаменные смазаны дали.
А кто б, угадайте-ка, мог Березовского
В бочку упрятать, залив Цинандали?
Рифмой помочь вам? Коль не угадали?
Етому дяде фамилия - Сталин!

Трудно ручаться сейчас за Котовского,
Или Дзержинского... Смазаны дали.
А Сталин, тот точно бы взял Березовского
В бочку его - и залил Цинандали!
(Он умел! Золотой был дядя!)

ПЕСНЯ

Александру Родионову

Каспийские дали призывно шуршали, но ты мне
сказала: - Чимкент!

И вот я в дороге. Пусть сломаны ноги. К тебе я
домчуся в момент.

Еще на вокзале мне тихо сказали: - Горбатый, куда
ты спешишь?

Но я улыбался. Я просто смеялся, и людям
показывал шиш...

Меня колотили, меня молотили, Стараясь попасть по
губе...

Затем прекратили, потом отпустили - И снова я
мчуся к тебе!

Не плачь, дорогая! Поверь, золотая, что радостно
мы проживем...

И скоро с винтовкой и красной листовкой На Первое
мая пойдем!

(или еще куда-нибудь, как случится).

АЛЕКСАНДРУ РОДИОНОВУ

Это было до менингита.

Я по улице шел домой,

Не встречая в пути рахита

Иль козла с золотой головой.

Никогда пусть не будет с вами!

Как случилось тогда со мной.

Гнидокрылые твари лбами

Вдруг нарушили мой покой!

Я не вправе на них сердиться.

День кошмара - уже далек.

Широка, хороша больница.

Менингитный забор высок.

Саше Родионову очень нравились стихи о Пугачевой (приводить целиком их не стоит, привожу несколько строк).

Слышал я, Вы не учились в школе,
Трудное детство, потом война...
А сколько Вам лет, уже ежели коли,
Речь в ету сторону крен дала?
Алла Борисовна, птица, держитесь.
С миру по нитке, но Вам-то по рублю,
А что не люблю Вас, то это извините уж,
Я и Горбачева мож самого не люблю.
Скряги с сквалыгой Вы смесь сквернословная
И фикстула (из жень-шеня нос).
Дрянь Ваши песни*, но потряхнуть, как положено,
Глядишь, и вывалится с пяток квелых роз.
Ни миллиона, понятно, ни Паулса
Нетути. Подрастерялись на марше.
Как же Вы, как же Борисовна Алла П.,
Будете дальше, дальше, дальше?
Лето, допустим, из песен не худшая,
Но хвостик, десятка, и вот ее нет,
А "Славное море" - не слышали случаем?
Самой до ядерной аж будут петь.
Как Вам не стыдно? Фотограф, снимите!
Просите, просите, просите.
Да что Вы - на паперти что ли - стоите?
Или обноски носите?

- - - -

Но и за Вами есть подвиги ратные:
Вы первая стали петь Мандельштама,
А что не получилось, так не все ж получается.
Еще б, на такое отважиться. Дама,
Не вешайте носа, Ваш век не кончается.
Алла Борисовна, когда Вы умрете,
Искренно по Вам один я мож заплачу.

Но хочется верить мне, Вы всех нас переживете,
Так я считаю. И не иначе.

* те, что Вы поете.

МАМОНТЫ

Владимиру Данилину

Лениво плещутся мамонты - в кембрийской плесени
густой.

Как осквернение Джиоконды - тосклив и страшен их
покой.

Быть может лень их минутна и через миг-другой
пройдет,

И тотчас резвостью могучей они начнут дивить
народ...

И мир кембрийский подивится могучей силе
естества

И все живое оживится... Но плесень гадкая - мертва!

Лишь вяло плещутся мамонты, кембрийский ил моря
- густой,

Как осквернение Джиоконды - тосклив и страшен их
покой!

(То, что в Кембрий не существовало ни народа, ни,
почему-то,

так называемых автором мамонтов, видимо не
смущает поэта.

И о каком-таким осквернении Джиоконды все время
идет речь?)

Кембрийский день - тосклив и вял. Мамонта бивень
олимпийский

Блеснул и вновь увял... О, день кембрийский!

СЕМИНОГИЙ ОЛЕНЬ

Владимиру Данилину

День гнидоглаз. Семиногий олень

С солнышка в тень ушел. С солнышка в тень.

День гнидоглаз. Семиногий опять

Вышел на солнышко. Петь, танцевать.

День гнидоглаз. Семиногий исчез.

Видимо, в лес ушел. Видимо, в лес...

ПУЩАЙ!

Владимиру Данилину

Известно, что Крылов - халявист был с рожденья,

А басни он слагал в припадках одуренья.

Такие у иных, случается, бывают,

Их раз и навсегда - в психушки отправляют.

Сегалин говорит: - Сей муж тоскливо-тучный

Был зелен на лицо, как, скажем, сад Нескучный.

Но дело не в лице! Ведь басни - удавались,

Но токмо потому, что меж халяв слагались...

Бывало - званый пир! Кто - чинно рассуждает,

А русский Лафонтен - халяву предвкушает...

Что делает с людьми падлючная халява!

То слева подойдет, а то - заходит справа...

То тут подъест, то - там, а то - в кармашек спрячет,

На завтра чтоб... О, срам! То вдруг навзрыд
заплачет!

(Ну, болен человек!)

Вдруг Пушкин-рукосуй* - плывет, как три фелюги.

Затрясся Лафонтен и, синий с похмелюги,

Зашелся весь, кричит: - Что, Пушкин, на халяву?

А Пушкин говорит: - Пошел на Окиनावу!

И чтоб сильнее допечь - японску скорчил рожу,

На блин или луну разительно похожу.

Уж лучше съесть ерлов**, чем эдакое видеть,

Бочком-бочком я - вон, а чтобы не обидеть

Швейцара в галунах, сую ему - не в рыло

А в руку - все, что есть, точнее все, что было!

Я хроник не пишу, но коль уж написалось,

Так надобно как есть - так чтобы и осталось!

Пусть даже на нутрях кой-что и оборвалось!

Пущай!

* Пушкин был необычайно вежлив и, здороваясь,
первым совал руку - куда

надо, а порой и куда не надо, что впоследствии его
и погубило

(прим. Автора) ** Еерлы - ядовитые грибы (словарь
Даля)

ВЛАДИМИРУ НИКОЛАЕВИЧУ ДАНИЛИНУ

Сын Николая был лох. Говорил он, Андродю
встречая,

Как, мол, нащет, портвешка... Лох! - отвечал ему
тот.

2001 г.

УНИКУМ № 1

Такой, и чтоб - второй? Шалишь, таких на свете

Всего и есть один. Про это даже дети

В грамматиках своих проходят, между прочим...

Сказал, и на расстрел был уведен Рабочим...

ТАНЕ ЯНЗЕН

Расскажи мне, моряк рыбоглазый,

Неужели моря впрямь мокры?

А моряк отвечает, мерзавец,

А тебе, блядь, какое, мол, де>!

Превратившись мгновенно в изюбря*,

Я ушел, удалился в леса.

Там не встретишь подобных мерзавцев,

Там лишь змеи одни, да грибы...

* Я умею превращаться в Изюбря. Это очень
просто...

АЛЕКСЕЮ БАТАШЕВУ

Невозмутим, словно шляпа Рериха,

Шел на помойку я зимним днем!

Вдруг предо мною блеснула Америка

Ясным своим огнем.

И промелькнули цилиндры заветные

Утлой чучундрой шляп

И проскакали кроты беспредметные

Жаберно. Тяп-Ляп!

Так космонавт, оскверняющий ландыши

Звездного близ городка...
Должен быть. Будет. Тринитрокарамышевым.
Присно! И во века!
АМЕН!

БАЛЛАДА О ПАПОРОТНИКЕ И ИЩУЩЕМ ЕГО - ПЕНТЮХЕ-РАБОТНИКЕ

(Несколько строф из огромного стихотворения.
Полный текст утрачен).

Кретин, он говорил: - Твои тварливы песни
Спой лучше про гандбол, про Рыло Красной Пресни!
Про сизый зоопарк с глумливыми гусями...
И я запел... О чем? Послушайте-ка сами!
Вот роща, а за ней тринитрологопеды
Отгрохали пивбар на восемьдесят мест,
Правей - детсад! Левей - завод Велосипеды
Гремит и ночь и день, пугая все окрест...
Шумит, гремит пивбар. Ликут логопеды.
Противно лает пес, похожий на очки.
Стартуют день и ночь, урча, велосипеды,
А жители глядят сквозь рыла-пяточки.
Но дальше не ходи - там есть овраг падлючий...
И вот уж перед ним падлючий папоротник,
Возрадовался он. Сушить стал, собирать.
Но позабыл осел - старательный работник,
Что надобно пред тем - молитву прочитать...
Тюки, тюки, тюки, а в них все папоротник...
Так проклят будь! Падлючий сей овраг!
И заруби на лбу, о, нетопырь-работник,
Чтоб кто бы ты ни был, ты сам себе есть враг!

ОЛЬГЕ ЖИЖИНОЙ

Так армянин, блуждающий в лесу,
Враждебною средою окруженный,
Нет-нет и вспомнит милый Ереван,
А бор шумит, угрюмый до предела...
Но жизнь счастливая и здесь не замирает,
Нет-нет и радостный промчится пароход,

Смышленный мальчик катит по тропинке,
На привязи ученого бобра...
Стоит кобзарь, задумавшись над книгой...
БИОПОЛЕ В ДЕЙСТВИИ (Песня на мотив "Раскинулось
море широко")

Посвящается моей дочке Анечке
Швейцар в гардеробе с улыбкой считает
Свои "габюзонные" польта,
А каждый входящий меж тем излучает
Примерно по три микровольта.
Кабина. Болтаем о том и о сем.
То Пушкина вспомним, то - Фета...
А то - узнавать друг у дружки начнем,
Почем в магазине конфета...
Вот сладкое вносят. Сама не своя,
От ужаса дочь закричала
Из мокрой халвы - групповая(!) змея
Меж тем, не шутя, выползала...
Шеф-повар, из кухни примчавшись на крик,
Сказал, что тревога напрасна.
Халвы, мол, страшится - пахучий калмык,
А вам и змея не опасна...
Мы снова болтаем о том и о сем.
То Тютчева вспомним, то - Мея...
Но ужин окончен. И вот мы ползем
На выход, как сытые змеи...
Швейцар в гардеробе народ одевает
В его "габюзонные" польта,
А каждый одетый меж тем излучает
В карман ему три микровольта.

РЕГРЕСС - ПРОГРЕСС

Борису Васильевичу Алексееву "Эхо Москвы" 91,2 FM
Татар и узбеков терпеть Смертопегов
Не мог и неделю назад
Он выступил с речью, с призывом калечить
И тех, и других - всех подряд!

И внемля призыву (остаться чтоб живу!)
Возникли кругом холуи,
А Сенчина пела: - Мол, мне что за дело!
Противные песни свои.
Бесконечно глумлив их мотив.
И несносен, и глух, как тюрьма,
Словно в пакостный день прилив
Необъятного моря дерьма...
Ошибся я в Сенчиной. Лучшей их женщин
Считал я ее по весне...
Но утлая гадина - тускло нагадила
Мне и моей стране...
Ах, Сенчина, Сенчина! Пусть ты - не женщина!
Пусть безо рта и ушей...
Что ж! Все мы под Богом! Ни зги за порогом...
А крыс-то, а - змей, а - свиней?
Дискретный Рабочий! В гадючие очи
Вглядись! Там Чернобыль! Карга!
И глотка луженая - ханкой сожжена
До смерти же - 0,3 шага...
(А в войну-то четыре было! Вот он прогресс-то...)

ххххх

Поэтессе Надежде Васильевне Лахтиной
Бедный чертежник по имени Надя
Белый рейсфедером ватман свой гладит.
Слякоть, как строчки чужие, в мозги
Въелась осенняя - Скоро ни зги!
Осень 2000 г.

НЕСКОЛЬКО ЧАСТУШЕК

Эльде Яновне Гловацкой
Один глобус голубой, а другой-то - синий...
Люблю девушку с клюкой, что вахтер в Совмине.
Если хочешь утопиться, поезжай на Волгу.
Трудно денежке скопиться, а пропить недолго!
В нашей бане - во парной до инфарту парятся.
Точка лучше запятой - чернил меньше тратится!

НЕСКОЛЬКО ЧАСТУШЕК

Танечке Латушкиной (Татьяне Дмитриевне Латушкиной)

На Формозе Чан-Кай-Ши - важная был птица...

Пьют чернила алкаши - чтоб опохмелиться!

Я хочу в Апартеид - к Нельсону Манделе...

Не все ж время он сидит! Правда! В самом деле!

НЕСКОЛЬКО ЧАСТУШЕК

Янине Евгеньевне Костричкиной (внучке актрисы Янины Жеймо)

Собирал в лесу грибы. Брал белоголовые.

Деньги - те же, что и бы>, токо цены новые

Как на донышке речном водолаз купается.

Я бы сбегал за пивком, да цена кусается

Гитлер был мерзавец. Да. Муссолини - тоже.

Скоро кончится еда, да и жизнь, похоже...

МАВРИТАНИЯ

Ларисе Александровне Бурмашовой

Увидав усохший пруд,

Вспомнил - в Мавритании

Засуха. И люди мрут

Более, чем ранее.

А у нас воды, хоть пруд

Ей пруди. Питание

Вот наш бич! ...И люди мрут

Более, чем ранее.

17 КУХТЕЛЕЙ ВИТЬКИ ЗОБОВА

Алисе Анатольевне Тилле

1. У Витьки Зобова был азотистый иприт, но он, как истинный спартанец, игнорировал это обстоятельство и жил, как и все, кто окружал его, ел, в меру пил, гулял и примерно раз в шесть с половиной недель брил левую щеку, а иногда даже тихо похихатывал, хотя видимых причин у него для этого не имелось.

Надобно заметить, что окружали его не люди, как это можно было бы подумать сдуру или с перепоем, а

мыши и клопы, с которыми, надо сказать, он находил общий язык и проводил время в разговорах с ними и чувствовал себя примерно, как лакированный пень, выставленный в кунсткамере для обозрения...

2. Однажды... Но вот тут-то, кажется, и пришло самое время сказать, что...

3. Ну так вот, однажды...

4. ... но не успел он произнести до конца эту, в общем-то, ничего не выражающую тираду, как в эмбихиновом дивном и белокровном пространстве каким-то никому непонятным образом не то образовалось, не то отложилось (не знаю даже, как и сказать) некоторое количество небольших, но удивительно странных впадин или ложбинок (это все равно), и к азотистому иприту Витьки Зобова таким вот незатейливым макаром прибавилось ни много, ни мало, а ровным счетом 17 маленьких кухтелей, ярко поблескивающих, если смотреть на них под углом 42 градуса северной ширины, не обращая ни малейшего внимания на кривотолки, лясы, пересуды или вообще на что-нибудь из числа тех чудес, какие нет-нет, а случаются порой на нашем диком кошмарном свете.

31 июля 1991 г.

ХУРЛЫ МУРЛЫ ИЛИ НОВОЕ О ПСЕВДОПСАХ

Катерине Ивановне Табидзе

Псевдопсы, как известно, не существуют. За триллионы лет не было зарегистрировано ни одного случая наблюдения таковых. И вот в один поганый вечер, когда и ждать-то было нельзя ничего хорошего, они появились.

Псевдопсов наблюдало несметное число людей, говорят даже, что число видевших их намного превышало число людей, временно населяющих нашу планету.

Да! Псевдопсы теперь не выдумка мистификатора или досужего шалолая - не Лямс-пам-пули! Их видели все, и я в том числе. Они шли стройными рядами.

Они были черны - Хурлы! Но они также были и жирны - Мурлы!

Плюмс.

ЧУДО

Виктору Алексееву

Любитель утреннего пива, я стоял в обычной пивной у ничем не примечательного столика. Моим сокружечником был мужчина лет эдак под шестьдесят. Разговор не клеился. Постояв полчаса и выпив примерно по четыре кружки, мы заметно оживились, и мужчина, хитро поблескивая глазками, шепнул мне так, как если бы хотел сказать нечто доверительное:

- Вы что же, в эту чушь тоже верите?

И помахал перед моими глазами газетенкой, сложенной таким образом, что виден был заголовок: НЛО. НЕОБЪЯВЛЕННЫЙ ВИЗИТ.

Несколько помедлив с ответом, я сказал осторожно:

- Как вам сказать, - начал я, - я испытываю сильное сомнение во всех этих штуковинах, но в чудеса, безусловно, верю.

- Я ясно излагаю? - осведомился я.

Мужчина, пожевав губами, заметил, что одно из двух: либо я верю в чудеса, либо не верю. На что я, в свою очередь, заметил: - Видите ли, в чудеса я, положим, не верю, но то, что они существуют, это я вполне могу допустить.

- Да как это так, - загорячился мой собеседник, - выходит, вы одновременно и верите и не верите в одно и то же, так что ли вас надо понимать?

- А что тут такого, - сказал я, - помнится, я еще в детстве песенку пел. Да вы, пожалуй, ее тоже знаете:

На берегу осталась крошка Мэри,

Она стоит в тумане голубом,
А юнга Билл ей верит и не верит,
И машет ей подаренным платком.

- Ну, - отмахнулся дядя, - то песенки, детство, романтика. А ведь это ж в газетах пишут, официально, по телевизору показывают чуть ли не каждый день.

Мы нацедили еще по кружке. Дядя, видимо, решил непременно выяснить у меня, что же все-таки, верю я в чудеса или не верю, что и попытался сделать, опять спросив: - Ну так как же все-таки с чудесами-то? Есть они по-вашему, или нет?

Я незаметно для себя разгорячился, но как можно деликатнее, чтобы не обидеть незнакомца, в свою очередь спросил:

- Да, собственно говоря, вам-то что за дело, верю я или не верю? Вы лучше у себя спросите, сами-то вы верите или нет?

- Да я-то не верю, уныло ответил дядя, - но хотел бы поверить, да только как?

- Ну так бы сразу и сказали! - сказал я. - Хотите, я вам в два счета докажу, что чудеса существуют, если уж вам так этого хочется.

- Как это, как это? - оживился дядя. - Если с помощью высоких материй, то ведь я и не пойму, пожалуй, я ведь человек простой, - помрачнел он.

- Зачем высоких? Я вам докажу это на примере чего угодно. Ну вот, к примеру, пиво мы с вами тут пьем.

- Ну и что, - сказал дядя. - Ну, пьем.

- А то! Вы о пивном путче слыхали? О мюнхенском сговоре? О Гитлере, хотя бы?

- Ну, слыхал, положим, кто ж об этом не слыхал? - только Гитлер-то тут причем? Я вас что-то совсем не понимаю, - ответил он.

- Сейчас поймете, - сказал я.

Мы нацедили еще по кружке.

- Давайте рассуждать абстрактно, - начал я. Вот представьте себе, что перед вами стоит, скажем, ну, Адольф Гитлер...

- Да как же я могу представить себе такое? - изумился дядя.

- Да вы слушайте, ну допустите хотя бы на секунду. Допустить-то ведь можно? Ведь это же обычное допущение в беседе и не более.

Мы отхлебнули пива.

- Ну хорошо, - промолвил он, - представим, что я допустил это, ну и что из этого следует?

- Что следует? - спросил я. - А вот что! Слушайте меня внимательно. Стоит перед вами Адольф Гитлер - мракобес, убийца и прочее, и вдруг, бац, и нет его! Как след простыл. Ну разве не чудо? Подумайте-ка хорошенько.

Мужчина пригубил пиво и, подумав немного, сказал, что это хоть и никак не вяжется с его понятиями о чудесах, но что-то чудесное в этом, разумеется, имеется.

- Так слушайте дальше, - продолжил я. - Это чудо-то не совсем еще, так сказать, настоящее чудо. Чудо - это как бы реверс у монеты - смотришь, вроде бы одно отчеканено - перевернул, а на обратной стороне - другое значится. А монета-то одна и та же. Одного достоинства.

- Ну и что? - туповато спросил мой собеседник.

- А то, дядя, что представьте теперь другое: исчез вроде бы Гитлер-то наш, как вдруг, бац, и опять он перед вами! Да еще живей живого. Ухмыляется. Только лицом как бы чуток изменился. Что, скажете, и это не чудо?

Мой собеседник пожевал губами, что-то невнятно пробормотал, допил свое пиво, как вдруг глаза его дико расширились и, сказав, что вне всякого сомнения, это самое настоящее чудо, он быстро вышел из пивной.

24 июля 1990 г.

НА КЛАДБИЩЕ

Ленскому Серге Ефремовичу

... Могильщики делали свое дело, яма все более и более углублялась. Иногда я спускался по веревочной лестнице вниз и присматривал за работой. Было очень холодно. Видимо, мы приближались к заданной цели - абсолютному нулю (-273°C).

- Ну что, рыть дале-то? - спросил у меня их старшой, крепкий коренастый мужчина с лемурийским рылом. - Эвон, как глыбоко взяли! Может, хорош?

Я сказал: - Ты роешь, брат, и рой! Не человека, поди, хороним, а снюрла, - а их только при абсолютном можно - иначе такое начнется, что и вымолвить-то страшно! Ну, я полезу наверх, а ты, брат, - я вот вижу у тебя и градусник наручный вместо часов, крикни мне, как до абсолюта дороетесь. Урузумел? Ну, и порядок!

Я еле поднялся наверх: сердце стучало, как вольфрамовый дятел по добротной, импортной наковальне - сказывался возраст, да и позавчерашний перебор самогонки вносил свою законную лепту. Но не успел я присесть на землю и выкурить пары папиросок, как из ямы глухо донеслось: - Нуль, начальник, абсолютный! Как есть, нуль.

Подойдя к яме странной, неправильной, какой-то дикой и невообразимой формы (так почему-то было велено рыть), я крикнул что есть сил:

- Если не врешь, пес, - сворачивай, друг, работу, - людей наверх - и я на бочку.

Пока я пересчитывал дензнаки, чтобы расплатиться с могильщиками, в мозгах моих бешено крутилось - вертелось - танцевало - пело: - Вот он, нулек-то, вот он родимый, милый, абсолютный (-273°C), что в точности соответствовало отметке $+273^{\circ}\text{P}$, по шкале Падлюгина.

Где-то там, далеко, в глубине черепа, в сером веществе моего мозга туманно шевельнулось, завоспоминалось:

- А ведь я, Бог не даст соврать, знавал ведь его когда-то. Лично. Большой фантазии был дядя. Гений в своем роде. Одни опыты с оглушением лебедей чего стоили. А конструирование чертей? Некоторые считали даже, что он оттуда... Помню, как-то трюльник ему дал на опохмел. Он, ясное дело, собака, и не подумал вернуть. Что скажешь? Гений! Теперь я тоже склоняюсь к мысли, что он оттуда... Но гложет, грызет меня одно - как я мог так опростоволоситься? До сих пор ума не приложу. Ведь на все 100 знал, что плакал мой трюльник, что гад, что собака, что гений - а дал! И кто дал-то? Я, с юных лет постигнувший людей.

Февраль 1992 г.

ПОЧЕМУ ПЛОХО СПАТЬ ПОД СКАМЕЙКОЙ

Деминой Валентине Павловне

Вынужденный заночевать в чужом городе, я не придумал ничего лучше, как лечь под скамейку в городском парке и зарыться в листьях.

Просыпаюсь. Мужские прокуренные голоса:

...Дубовая ветвь нам послужит поперечиной,

На нее набрасывается веревочная петля,

Пахнет, чем хочешь, но только не Сенчиной,

Ибо она не присутствует (бля).

Га-га-га! Грубый смех и запах дешевых сигарет. Я не могу заснуть. Голос продолжает:

...Короче, земля, не пахнет там женщиной,

И вот подхожу я, значит, к ихнему главарю...

А Сенчина? Да не было (блядь) там Сенчиной!

Я же по-русски тебе говорю!

С трудом заставляю себя заснуть. Просыпаюсь. Другие голоса, тоже мужские и тоже прокуренные:

...Играем в футбол раз. Наш нападающий

Сделал козу одному - тот с копыт!
Зритель стал, что кобель твой лающий,
Мат, мусора (блядь). А тот? - Лежит!

Га-га-га! Грубый смех и запах дешевых сигарет. С трудом засыпаю. Просыпаюсь. Другие голоса, женские, но тоже прокуренные:

...Позвал меня в гости один иностранец,
И дал мне за это сто рублей,
А меня поманил молодой оборванец,
Я идти не хотела, а он мне на тыщу - камней!
Да ну? Покажи. - ВО!

Запах дешевых сигарет. Я не могу заставить себя заснуть. Во мне закипает злоба. Голоса продолжают:

...Пошла к старику. Нацедил он мне браги.
Скряга! - за все - сорок два рубля.
Два я отправила Павлику в лагерь,
А сорок прижала - развода для.

Ну, хватит с меня! Сколько времени? Пол-четвертого. Однако! Незатейливые шлюхи в сочетании с матершинниками-бытовиками, запахом дешевых сигарет и ночной сыростью окончательно расстроили мои попытки уснуть и, чтоб сердцу легче стало, встав, я произнес устало:

- Примечательно все же, что у этих милых девиц начисто отсутствует мат в речевых конструкциях, хотя верится с трудом, что они его не знают. Игнорируют, что ли? Воспитание? Гы?!.. Новаторы, может, какие? Та, видно, еще публика. Однако, ну и холодрыга же! Сколько времени? Четыре часа! Гы?! И когда же (блядь) они откроют свое метро? Холодно ведь. А?

Апрель 1990 г.

КАК Я РЕШИЛ НАПЕЧАТАТЬСЯ И ЧТО ИЗ ЭТОГО
ВЫШЛО

Нагибиной Наталье Львовне

Воспитанный на образе врага, я разрешился недавно небольшим стихотвореньцем. Вот оно:

Как автоклав с фильдеперсовым вкладышем,
На дух не нужный ни мне, ни стране,
Буш, гликозиды сосущий из ландышей,
Ночью намедни привиделся мне.

Джорж, говорю, не спасут тебя ландыши,
Можешь словам моим верить вполне,
Ты - автоклав с фильдеперсовым вкладышем,
На дух не нужный ни мне, ни стране.

Надо, думаю, напечатать. Деньги, опять же, гонорары. Понес в "Молодую гвардию" (журнал такой). Не берут.

- Господь с Вами, - говорят, - перестройка на дворе, а Вы такое накатали. Нельзя так ругать человека, время сейчас не то.

Когда же, думаю, ругать-то, если не сейчас - когда кони отбросит, тогда уж не поругаешь. Усопших нехорошо лягать (*De mortuum aut bene aut nihil*). Ну, да ладно, думаю. Схожу-ка я в "Химию и жизнь" - может там возьмут. Не взяли и там. Еще и на смех подняли - где это Вы, говорят, видели автоклав с фильдеперсовым вкладышем?

- Нигде, - отвечаю. - Это ведь стихи, понимаете?

- Да, понимаем, - говорят, - однако же публиковать никак не можем. Вы уж извиняйте нас.

- Ладно, - говорю, - чего там.

Решил переделать. Уж очень меня за нутро взяло. А потом деньги опять же, гонорары. Только теперь, думаю, не ругать, ни-ни, и чтоб без вкладышей этих, фильдеперсовых. Написал:

Мне снился Буш великолепный,
В сиянии ядерных ракет.
И я, согнувшись раболепно,
Дарю цветов ему букет.
Бери, мол, друг, а то завянут,

Дарю от сердца и души,
А Джордж и строен, и подтянут,
Ну, прям портрет с него пиши.
Награду щедрую лелею,
И тычу в нос ему букет,
А он кричит: - Гоните в шею!..
В сияньи ядерных ракет.

Довольный, что получилось складно, а главное, без
этих фильдеперсовых, со всех ног мчусь опять в
"Гвардию".

- Не пойдет, - говорят.

Я так и ахнул: - Как, - говорю, - не пойдет,
перестройка ведь на дворе? Очки-то протрите!

- Перестройка-то она перестройка, - отвечают, но
нельзя же так пресмыкаться! Стыдитесь, молодой
человек, Вы ведь не рептилия!

- А и верно, - думаю, - не рептилия. Снесу-ка я в
"Юного натуралиста". Может там возьмут.

Приношу... Редактор, этакий миляга, вежливо так: -
Ага, про цветочки это как раз то, что нам нужно - это
наш профиль. Только, вот, того, уклон у Вас тут -
политика что ли, как бы это Вам сказать... Не надо бы. У
нас читатель юный - натуралист некоторым образом. Не
так поймет. Ну к чему эти экивоки? Резонанс может
выйти и прочее... А про цветочки у Вас хорошо
получается, Вы напишите еще. Про флору, фауну, про
себя, наконец... Про массы можно, водные, конечно... У
Вас получится. Только без этого, без того, в смысле...
Пообтекаемей - и без экивоков! А уж мы напечатаем,
можете не сомневаться. Уж мы опубликуем,
обнародуем. Хе-хе-хе! Доведем до...

И стелет, стелет, мягко так.

На радостях, что знаю теперь, как надо, без того и
без этого - не долго думая, взял и назююкался до
помрачения - ударился (по-моему, о потолок), расквасил
физию, - три дня лежал с примочкой. Ну, да это ничего.

Главное знаю теперь, как надо. Никакого Буша. И пообтекаемей. К черту эту "Молодую гвардию". Все ей не так. Ругаешь - плохо, хвалишь - плохо. Нет - только для "Юного натуралиста". Никакого Буша, и, главное, пообтекаемей. Написал:

Рад оттого, что срослась переносица,
Тихо плыву по реке.

Песня не песня, а что-то доносится.

Трудно понять. Вдалеке.

Буша не видно. Плыву, обтекаемый

Водным природным ручьем,

Вот и удад пролетел, догоняемый

Мальчиком в лодке с сачком.

По берегам карапузы родимые

Ловят пахучих хорьков.

Бушем не пахнет. Резвятся налимы и

Кучи плывут облаков.

Песня не песня, а что-то доносится.

Трудно понять. Вдалеке.

Рад оттого, что срослась переносица,

Тихо плыву по реке.

Если и сейчас не возьмут, то не знаю тогда. Бегу в "Натуралиста". Не взяли.

- Профиль вроде и наш, - говорят, - но нет этого, того в смысле... И потом уж очень обтекаемо как-то...

Ну, не знаю...

3 мая 1990 г.

ЧИСЛО

Забезинскому Льву Захаровичу

Передо мной - Валерий Пушкин.

Однофамилец, что-ли? Он!

Три года слушал крик кукушкин

И был немало изумлен.

Когда ему откуковалось

Такое длинное число,

Что вряд ли цифр, чтоб записалось
На свете хватит. И... ушло*.

* Кто ушло? Что ушло? Число, что ли, ушло? Да, рази такое может быть? Числа рази ходят?

А, впрочем, если по по сандуновской системе "пришло-ушло", то вполне может быть! (Что ушло-то...). Довольно логично. А может это Валерий Пушкин ушло? Нет! Нет! - вот этого уже никак не может быть. А... а... я, пожалуй, начинаю догадываться, что бы это могло быть! Все очень просто. Валерий Пушкин - это псевдоним.

А тот, кто под этим псевдонимом - среднего рода! И вот оно-то - и ушло. А что... В те времена еще и не такое случалось. Тоже довольно правдоподобная версия. А, кстати, какие это такие - "те" времена? Даты нет. Подписи тоже. Ни черта нет!

А стишок таки презанятный. Надо будет Гнидогадову снести. Он любит, когда про писателей, или вообще что-нибудь... Эдакий кретин! Притом гнида сущая. Мерзавец. Но это я - собственно - так, к слову! Я, в сущности, против него ничего не - С? - Нет! Р? - Тоже нет! А, черт! Из-за этого осла слово позабыл. Точней, не само слово, а с какой буквы начинается... Само-то слово, я хорошо помню! Ну, да все равно! Эдакий кретин! Просто баран какой-то!

У него, кстати - и брат - баран! Да! И сестра...

(А числа нет! Ушло наверное)

Мы часто ездили в разные города на гастроли и на отдельные концерты ездили и квинтетом, и секстетом. Во время концертов в разных городах нас часто снимали - осталось много фото на память. Саша Родионов не пил спиртное. То есть, говоря точнее, он выпивал, но в меру. Не так, как, скажем, Данилин, я или Валерий Багирян. В отношении денег Саша был крайне щепетилен. Помню, как я одолжил ему 6 или 7 рублей -

Саша на следующий день вернул мне (вплоть до мелочи!). Вообще, Саша был редкой души человек.

Я уже писал о том, что он часто навещал меня в больнице, но он часто бывал и у меня дома, часто вместе с Колей Королевым, с которым сильно подружился. Он хорошо знал мою маму Елизавету Михайловну и всегда, когда приходил в гости, приносил ей цветы.

Мою маму также хорошо знал Олег Степурко - он также приходил, и я помню, как он подарил маме книгу священника Меня, с которым Олег был знаком. Коля Королев также знал мою маму и часто приходил в гости с Сашей Родионовым.

Когда мы работали в Москве в разных ресторанах, нас часто снимали Володя Лучин, Юра Аксенов, Иван Павлович Шевченко и другие. С Сашей Родионовым мы играли в "Ангаре", "Печоре", "Временах года", в "России" (до пожара) и во многих и многих других местах.

Помню, как Саша на юге (это было без меня, я говорю со слов Саши) познакомился с Ниной, симпатичной скромной девушкой, и вскоре они поженились. Я радовался, что у Саши появилась семья. Вскоре у него родился сын Иван. Я его видел недавно - это очень рослый, симпатичный, уверенный мужчина (очень обязательный и добрый).

К женщинам легкого поведения Саша был равнодушен. Он постоянно занимался на саксофоне и вечно работал - списывал соло, учил пассажи, заносил в тетрадочку приемы, цитаты и т.д.

Опишу подробно пожар в "России" (Саша в то время с нами не работал).

Мы работали в "России" на 21 этаже с Данилиным, Романовым, Ваней Васениным, Ниной Шиловской (певицей). Пожар случился в конце февраля, примерно 27-28 числа (точно не помню). После того, как мы

отыграли 3-е отделение около 10 вечера, стал распространяться запах гари - я решил, что это что-то пригорело на кухне, но дым и гарь усиливались. После этого Володя прибежал и сказал: - Андрей, мы горим!

Стала нарастать паника. Метрдотель поставил в дверях швейцара и приказал тому никого не выпускать к лифтам и на лестницу - оттуда валил густой едкий дым. Дыма стало столько много, что мы стали задыхаться, кто-то пытался разбить высокие мощные окна на 21 этаже. Помню, как уборщица кричала: Перестаньте хулиганить!

Но потом все-таки окна стали бить, я попытался разбить окно креслом, но окно (стекло) спружинило и кресло отскочило. Когда стекла перебили, пошел воздух. Стали срывать ковры и выкидывать в окно, чтобы когда подойдет огонь, нечему было гореть. Пытались связать шторы и, привязав к ним кресло, опустить вниз записку, чтобы прислали веревочную лестницу, но это было нереально - 21-й этаж! Когда кресло спустили вниз, из нижних этажей, где уже огонь бушевал, за него цеплялись руки людей.

Мы видели, как внизу все было оцеплено солдатами, от Мавзолея на 21 этаж и на на весь пожар были направлены прожекторы. Люди внизу казались муравьями.

В пожарном кране некоторое время была вода, потом она кончилась. Успели намочить пол и всего лишь. Паника была страшная. Кто-то пил, кто-то кричал, а нам с Данилой нельзя было даже выпить, так как мы лечились с ним в то время от алкогольной зависимости. Я попытался выброситься в окно и разбежался, но когда я стоял на разбитом окне, я отходил назад, говоря про себя: - Вот будет огонь, тогда выброшусь.

Свет погас. Телефоны были отключены. В первые минуты пожара некоторые успели позвонить домой - фразы: - Мы горим!

В этой панике Ваня Васенин куда-то исчез. Позже мы узнали, что он успел, минуя швейцара, выскочить на задымленную лестницу и дым заставил его выпрыгнуть в окно - он упал на крышу 11-го этажа и погиб. Мы думали (когда спаслись), что Ваня успел выбежать и сидит где-то и пьет от счастья, так как он три дня не появлялся. Позже его жена Лена поехала по моргам и нашла его мертвым!

Не буду описывать всякие драматические ситуации, скажу только, что около часа - пол-второго ночи к нам пробрался на кошках весь в копоти пожарный и сказал, что скоро нас освободят. Это немного успокоило всех, хотя я не верил в это! Но спустя некоторое время, пожарные действительно появились и нас вывели по задымленной лестнице (но уже дыма было меньше) на крышу 11-го этажа и провели по крыше в другой конец - там мы вышли на улицу. Помню, когда нас выводили, то я даже не хотел брать трубу, но Володя Данилин вынес мне ее и спас таким образом мне мою трубу.

Выводили нас с мокрыми платками на лицах (от дыма). Я был без пальто и шапки. Внизу у Данилина была машина и мы (я, Данила и Нина Шиловская) поехали ко мне домой. У меня дома была бутылка водки. Нам пить было нельзя, а Нинка выпила всю бутылку и не захмелела, настолько сильно было возбуждение! Потом Нина уехала, а мы с Данилой сидели всю ночь и разговаривали. В шесть утра включили БиБиСи - там сказали - в Москве горит гостиница "Россия"!

Утром я поехал к Ольге и мы вернулись в "Россию" за вещами. Там было все печально - кругом дым, вода, обгорелые стены. Сгорело все - в номерах были только трубы канализации и скорченные останки телевизоров, больше ничего. Лифты не работали, и мы шли на 21 этаж пешком. В зале было, как после погрома - все

усыпано битым стеклом - валялись бутылки, посуда битая, ножи, ложки, вилки.

Потом нам дали, как погорельцам, путевки на юг, и я помню, что когда меня хотели поселить на 7 этаж, я отказался (страх!), но потом все-таки, скрепя сердце, поселился на 7-ом этаже, все время нервничая - вдруг загорится! Этот страх меня преследовал всю жизнь (высота - пожар)!

Когда мы работали с Данилиным и Сашей Родионовым в "России", часто играли диксиленд и Данила очень смачно играл на органе. Помню, он сыграл "The Song Is You" так, что я до сих пор этого не могу забыть.

Один раз на 21 этаже (в этот день у нас в гостях были Валерий Балдин и Марина Говорова) сзади нас был банкет и какой-то юноша подошел и сказал нам, что на банкете присутствует какая-то известная певица, звать Изабелла Даниловна. Мы сказали - приведи ее, и вскоре Изабелла пришла! Это была сама Изабелла Юрьева - великая!

Мы все обступили ее, и Данила и Болдин, и я, и стали объясняться ей в любви к ее голосу и таланту. Стали петь ей ее песни: "Жалобно стонет", "Спускалась ночная прохлада", "Саша" и все другие. Она была растрогана и прослезилась. Она была уже в возрасте, но была красива и очаровательна, одета в дорогие одежды, руки в золоте и камнях.

Она спрашивала, нет ли у нас каких-то ее пластинок. Я сказал, что у меня есть редкая ее пластинка, но она разбита. Изабелла Даниловна (как сейчас помню) предложила мне продать ее. Я сказал, что почту за честь и так подарить ей ее, но ведь она разбита! Изабелла Даниловна сказала, что восстановит ее. Она дала нам всем свой телефон и мы хотели съездить к ней в гости, но так и не собрались. Жаль!

Данилин Володя, помню, когда я потерял свой мундштук, купил мне дорогой мундштук за 50\$, немножко не тот, к которому я привык, но тоже хороший! Саша Родионов вместе с Колей Королевым купили мне дорогое масло для трубы.

И, оканчивая свои воспоминания, я хочу сказать, что Саша Родионов, Володя Данилин и Николай Королев были и есть - самые мои дорогие друзья! Но что, что я еще могу сделать для Саши? Я не знаю!

А две строки:

"Достигается потом и опытом
Безотчетного неба игра"

относятся как к Саше, так и к Володе, и Коле.

А я? Что я? Я - не в счет!

Список всех лиц, так или иначе упоминаемых в тексте

и еще некоторые друзья и знакомые:

Родионов Александр, Данилин Владимир, Королев Николай

Баташев Алексей Николаевич,

Алексеев Борис Васильевич "Эхо Москвы" 91,2 FM

Товмасян Анна Андреевна, Товмасян Ольга Ефремовна, Касимов Касум Абдуллаевич

Медсестры: Визитиу Надежда Петровна, Ломова Галина Валентиновна, Куркова Лидия Евгеньевна, Перегинец Анна Ивановна, Смелякова Людмила Дмитриевна, Шкатенок Татьяна Васильевна, Прудникова Нина Кузьминична, Сеницын Егор Владимирович

Санитарки: Нехорошева Людмила Владимировна, Галина Викторовна, Кочеткова Оля, Ильина Нина Николаевна, Филатова Татьяна, Галина Евсеевна, Женечка, Танечка, санитар Толя

Кубовые: Карпенко Светлана Петровна, Липатова
Валя, Римма Васильевна, Валентина Михайловна
Сестра-хозяйка Ушакова Лилия Борисовна
Наружная медсестра Валя
Старшая медсестра Елецкая Лидия Станиславовна
Зав. 25 отделения больницы № 4 им.Ганнушкина
Пацуло Маргарита Ивановна

Бурмашова Лариса Александровна, Тилле Алиса
Анатольевна, Табидзе Екатерина Ивановна, Иванова
Елена Петровна, Костричкина Янина Евгеньевна,
Латушкина Татьяна Дмитриевна, Лахтина Надежда
Васильевна, Жижина Ольга Анатольевна, Королева
Елизавета Гургеновна

Юрьева Изабелла Даниловна, Васенин Иван,
Клейнот Виталий Ефимович, Сазонов Анатолий, Сеидов
Вагиф, Набатов Семен, Аксенов Юрий, Багирян Валерий,
Берлин Эдуард, Степурко Олег, Сермакашев Владимир,
Алексеев Виктор, Котельников Валерий, Шиловская
Нина, Янзен Татьяна, Шевченко Иван, Лучин Владимир,
Ленский Серго Ефремович, Высоцкий Игорь, Окунь Яков
Михайлович

Демина Вера Павловна, Фиалкова Татьяна, Фиалков
Борис, Фадеев Борис Владимирович, Натапов Антон,
Азизов Руслан, Ванин Виктор Александрович, Егоров
Олег Анатольевич, Попков Михаил, Балдин Валерий,
Говорова-Воробьева-Скалкина-Воронцова Марина
Михайловна, Сутырина Наталья, Мухин Вячеслав,
Аблазов Сергей Владимирович, Аблазова Анна
Сергеевна, Шукшина Валентина, Забежинский Лев
Захарович